**Registered in Germany Europa Revue Journal**
**ISSN: 1862-6564 Vol. 6 No. 5 (2026) Published May 31, 2026**

# SPECIFICS OF THE INTERACTION BETWEEN OPERATIONAL UNITS AND PRELIMINARY INVESTIGATION BODIES IN COMBATING ORGANIZED CRIME

**Soslan Olegovich Bichenov**

Major, Senior Detective for Particularly Important Cases of the Organised Crime Control Service at the Operational Search Department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan

**Abstract**

The article examines the legal and organizational features of interaction between the operational units of internal affairs bodies and preliminary investigation bodies in countering organized crime in the Republic of Uzbekistan. The provisions of the Criminal Procedure Code, the Law “On Operational-Search Activity” and the Law “On Internal Affairs Bodies” that define the grounds, forms and limits of such interaction are analyzed. Procedural and non-procedural forms of interaction are distinguished, and the specifics of their application at the stages of detection, solving and investigation of crimes committed by organized groups and criminal communities are revealed. Typical problems are identified: departmental fragmentation, insufficient regulation of the use of operational-search results as evidence, and inconsistent planning. Measures to improve interaction are proposed, including the establishment of permanent investigative and operational task forces, joint planning and the digitalization of information exchange.

**Keywords**

organized crime, criminal community, interaction, operational units, preliminary investigation, operational-search activity, investigative and operational task force, results of operational-search activity, proof.

# ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ И ОРГАНОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

**Биченов Сослан Олегович**

*оперуполномоченный по особо важным делам Службы по борьбе с организованной преступностью Оперативно-розыскного департамента Министерства внутренних дел Республики Узбекистан, майор*

**Аннотация.** В статье рассматриваются правовые и организационные особенности взаимодействия оперативных подразделений органов внутренних дел и органов предварительного следствия в противодействии организованной преступности в Республике Узбекистан. Анализируются нормы Уголовно-процессуального кодекса, Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и Закона «Об органах внутренних дел», определяющие основания, формы и пределы такого взаимодействия. Выделены процессуальные и непроцессуальные формы взаимодействия, раскрыта специфика их применения на этапах выявления, раскрытия и расследования преступлений, совершаемых организованными группами и преступными сообществами. Обозначены типичные проблемы: ведомственная разобщённость, недостаточная проработка порядка использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании, рассогласованность планирования. Предложены меры по совершенствованию взаимодействия, включая создание постоянно действующих следственно-оперативных групп, совместное планирование и цифровизацию информационного обмена.

**Ключевые слова:** организованная преступность, преступное сообщество, взаимодействие, оперативные подразделения, предварительное следствие, оперативно-розыскная деятельность, следственно-оперативная группа, результаты ОРД, доказывание.

**Введение**

Организованная преступность относится к наиболее опасным формам преступного поведения, поскольку она характеризуется устойчивостью преступных связей, иерархической структурой, распределением ролей, наличием материальной базы и стремлением к установлению коррупционных связей с представителями государственных органов. Международное сообщество рассматривает её как угрозу национальной и глобальной безопасности, что нашло

отражение в Конвенции Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности, принятой в 2000 году в г. Палермо [8]. Республика Узбекистан является участником данной Конвенции и последовательно приводит национальное законодательство в соответствие с её положениями.

Уголовный кодекс Республики Узбекистан выделяет организованную группу и преступное сообщество как наиболее опасные формы соучастия и устанавливает самостоятельную ответственность за организацию преступного сообщества (статья 242 УК) [2]. Однако эффективность уголовно-правовых запретов во многом зависит от того, насколько слаженно действуют субъекты, на которых возложены выявление, раскрытие и расследование таких преступлений.

Особенность преступлений, совершаемых организованными формированиями, состоит в том, что их лидеры, как правило, непосредственно не участвуют в исполнении преступных действий, тщательно маскируют свою роль, применяют меры конспирации и противодействия расследованию, в том числе путём воздействия на потерпевших и свидетелей [11; 13]. В этих условиях одними лишь следственными действиями невозможно получить достаточную доказательственную базу, а результаты оперативно-розыскной деятельности (ОРД), не будучи надлежащим образом введёнными в уголовный процесс, не могут служить основанием для обвинения. Отсюда вытекает объективная потребность в тесном взаимодействии оперативных подразделений и органов предварительного следствия.

Целью настоящей статьи является анализ правовых основ, форм и особенностей такого взаимодействия при противодействии организованной преступности, а также выработка предложений по его совершенствованию.

**Обзор литературы**

Проблематика взаимодействия следователя и оперативных подразделений относится к числу традиционных для уголовного процесса, криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности. Анализ научной литературы позволяет условно выделить три группы источников: работы отечественных

(узбекистанских) авторов; труды российских учёных, составивших теоретическую основу данной проблематики на постсоветском пространстве; зарубежные исследования организованной преступности. Ниже дана краткая характеристика каждой из групп и обозначена позиция автора настоящей статьи.

В узбекистанской юридической науке вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании рассматривал Ш.Х. Иномжонов: в монографии, посвящённой проблемам представления и использования доказательств в уголовном процессе [15], и в статье о том, при каких условиях тезкор-қидирув натижалари (результаты оперативно-розыскной деятельности) становятся доказательствами [16]. Автор настоящей статьи разделяет исходный тезис названного учёного о том, что оперативные сведения приобретают доказательственное значение лишь после их проверки и закрепления процессуальными средствами. Вместе с тем указанные работы были опубликованы до принятия действующего Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» 2012 года [4] и до реформирования системы органов внутренних дел, начатого в 2016–2017 годах [5; 7], а потому не учитывают современной нормативной базы; кроме того, специфика организованных преступных формирований в них не рассматривается. Это требует уточнения и развития высказанных выводов применительно к нынешним условиям.

Нормативно-прикладное значение для темы исследования имеет «Комментарий к Закону Республики Узбекистан «Об оперативно-розыскной деятельности»» В. Каримова [14], в котором раскрывается содержание норм, регулирующих основания и порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий. Автор статьи использует его как ориентир при толковании положений закона, однако отмечает, что по своему жанру комментарий направлен на разъяснение норм и не ставит задачи разработки организационных моделей взаимодействия оперативных и следственных подразделений. Процессуальные аспекты взаимодействия следователя с органом дознания освещены в работах К. Утениязова [17] и Б.Б. Хидоятова [18]. Их выводы, по мнению автора, полезны для понимания процессуальных форм сотрудничества (прежде всего порядка дачи и

исполнения письменных поручений), но рассматривают это сотрудничество в общем виде, без учёта особенностей дел о преступных сообществах, где решающую роль играют конспирация, согласованность планирования и противодействие расследованию. Именно эти вопросы остаются в отечественной литературе наименее разработанными.

Теоретическую основу понятия и форм взаимодействия заложили российские учёные. Р.С. Белкин [10] обосновал понимание взаимодействия как согласованной деятельности самостоятельных субъектов в пределах их компетенции; это определение положено автором в основу настоящей статьи (раздел 2). Фундаментальные положения теории оперативно-розыскной деятельности, включая соотношение оперативно-розыскных и процессуальных средств, содержатся в учебнике К.К. Горяинова, В.С. Овчинского и Г.К. Синилова [11], которые автор считает наиболее полным и методологически выверенным источником по данному вопросу. Криминологическая характеристика организованной и профессиональной преступности, механизмов её устойчивости и противодействия правоохранительным органам дана в работах А.И. Гурова [13] и в учебнике под редакцией А.И. Долговой [12]; выводы этих авторов подтверждаются современной практикой, и автор опирается на них при описании особенностей противодействия расследованию в организованных формированиях. Наиболее близким по предмету является исследование С.В. Зуева, посвящённое уголовному преследованию по делам о преступлениях, совершаемых организованными группами и преступными сообществами [19]. Не оспаривая его ценности, автор вместе с тем считает, что российские разработки нельзя переносить на национальную почву механически: различаются процессуальная модель, система ведомств и законодательство об оперативно-розыскной деятельности [4; 9], поэтому они требуют адаптации к правовой системе Республики Узбекистан.

В зарубежной литературе организованная преступность исследуется преимущественно в криминологическом ключе. К. фон Ламп [20] рассматривает её как совокупность противоправной деятельности, преступных структур и

внеправового регулирования; Л. Паоли [21] анализирует устойчивость и внутреннюю организацию мафиозных сообществ; в коллективной работе под редакцией С. Фейнаута и Л. Паоли [22] представлен сравнительный анализ концепций организованной преступности и мер противодействия ей в европейских государствах. Автор разделяет вывод этих исследователей о том, что организованные формирования приспосабливаются к мерам контроля и поэтому эффективное противодействие требует постоянной координации различных органов. В то же время зарубежные работы не рассматривают проблему сочетания оперативно-розыскных и процессуальных средств в рамках конкретной национальной модели досудебного производства, а потому используются в статье лишь как общетеоретический и сравнительный фон.

Таким образом, обзор литературы показывает, что отдельные аспекты проблемы (использование результатов ОРД в доказывании, процессуальные формы сотрудничества, криминологические особенности организованной преступности) изучены достаточно подробно, однако комплексных исследований взаимодействия оперативных подразделений и органов предварительного следствия именно в противодействии организованной преступности с учётом действующего законодательства Республики Узбекистан недостаточно. Восполнению этого пробела и посвящена настоящая статья.

**Правовые основы взаимодействия.**

Конституция Республики Узбекистан в редакции 2023 года закрепляет приоритет прав и свобод человека, что определяет пределы любых мер, ограничивающих права граждан, в том числе в ходе оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий [1]. Основу взаимодействия образуют Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан [3], Закон Республики Узбекистан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 26 декабря 2012 года № ЗРУ-344 [4] и Закон Республики Узбекистан «Об органах внутренних дел» от 16 сентября 2016 года № ЗРУ-407 [5].

Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет её задачи, к числу которых относятся выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие

преступлений, а также установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших. Закон предусматривает возможность представления результатов ОРД органу дознания, следователю, прокурору и суду и их использования в уголовном процессе при условии соблюдения установленного порядка [4]. Именно этот институт является «мостом» между непроцессуальной (оперативно-розыскной) и процессуальной деятельностью.

Уголовно-процессуальный закон наделяет следователя правом давать органам дознания письменные поручения о производстве розыскных и иных действий, а также требовать содействия при производстве следственных действий; такие поручения обязательны для исполнения [3]. Тем самым законодатель закрепляет ведущую процессуальную роль следователя при сохранении организационной самостоятельности оперативных подразделений в выборе тактики и средств оперативной работы.

Важное значение для организации деятельности органов внутренних дел имеет Указ Президента Республики Узбекистан от 10 апреля 2017 года № УП-5005, направленный на коренное повышение эффективности деятельности органов внутренних дел и усиление их ответственности за обеспечение общественного порядка и защиту прав граждан [7]. Применительно к экономической составляющей организованной преступности существенны также нормы Закона «О противодействии легализации доходов, полученных от преступной деятельности, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения», позволяющие отслеживать финансовые потоки преступных формирований [6].

**Понятие и принципы взаимодействия.**

В юридической литературе под взаимодействием следователя и оперативных подразделений понимается основанная на законе и подзаконных актах согласованная по целям, месту и времени деятельность самостоятельных субъектов, осуществляемая в пределах их компетенции с наиболее эффективным сочетанием присущих им методов и средств [10; 11]. Ключевыми признаками взаимодействия являются: наличие общей цели; разграничение компетенции;

согласованность действий; сочетание процессуальных и оперативно-розыскных средств.

Взаимодействие строится на следующих принципах: законности; процессуальной самостоятельности и руководящей роли следователя в расследовании; разграничения компетенции; конспирации и обеспечения сохранности сведений, составляющих государственную тайну; непрерывности и плановости; персональной ответственности за выполнение согласованных мероприятий. Соблюдение принципа конспирации приобретает при противодействии организованной преступности особое значение, поскольку утечка сведений о планируемых мероприятиях позволяет участникам преступного формирования уничтожить следы, скрыть похищенное и оказать давление на свидетелей.

**Формы взаимодействия.**

Традиционно различают процессуальные и организационно-тактические (непроцессуальные) формы взаимодействия [10; 11].

К *процессуальным формам* относятся: исполнение оперативными подразделениями письменных поручений следователя о производстве розыскных действий; оказание содействия при производстве следственных действий (обыска, выемки, задержания, предъявления для опознания); представление следователю результатов ОРД в порядке, установленном законом; информирование следователя о результатах розыска лиц, скрывшихся от следствия.

*Организационно-тактические формы* включают: создание следственно-оперативных групп; совместное планирование расследования и оперативно-розыскных мероприятий; обмен информацией; совместный анализ и оценку собранных сведений; консультации; согласованное проведение одновременных мероприятий (например, задержаний и обысков сразу в нескольких местах).

Для дел об организованной преступности наиболее эффективной формой является следственно-оперативная группа, создаваемая на всё время расследования. Её преимущество состоит в постоянном, а не эпизодическом характере контакта следователя и оперативных сотрудников, в оперативности

принятия решений, а также в возможности одновременно отрабатывать несколько эпизодов преступной деятельности и устанавливать связи между ними.

**Особенности взаимодействия на различных этапах.**

*На этапе выявления и документирования* (до возбуждения уголовного дела) ведущая роль принадлежит оперативным подразделениям. Они устанавливают состав формирования, его структуру, роли участников, источники финансирования, коррупционные связи. Участие следователя на этом этапе целесообразно в форме консультаций о том, какие сведения и в какой форме должны быть получены, чтобы впоследствии быть преобразованными в доказательства. Практика показывает, что недостатки документирования, допущенные на этой стадии, крайне сложно устранить после реализации оперативных материалов.

*На этапе реализации оперативных материалов и возбуждения уголовного дела* необходимы совместное планирование и синхронность действий. Задержание членов группы, обыски по месту их жительства и в используемых ими помещениях, наложение ареста на имущество и счета должны проводиться одновременно, чтобы исключить уничтожение доказательств и сокрытие имущества. От качества этой операции во многом зависит весь последующий ход расследования. *На этапе расследования* ведущая роль переходит к следователю. Оперативные подразделения продолжают оперативное сопровождение дела: устанавливают неизвестных соучастников и новые эпизоды, разыскивают скрывшихся лиц, выявляют попытки противодействия расследованию (подкуп или запугивание свидетелей, давление на потерпевших), обеспечивают безопасность участников уголовного процесса. Именно оперативное сопровождение позволяет своевременно нейтрализовать противодействие, характерное для дел данной категории [12; 13].

Существенной особенностью является и работа по установлению и изъятию имущества, полученного преступным путём. Подрыв экономической основы преступного формирования достигается при согласованных действиях следователя, оперативных подразделений и органов финансового мониторинга,

использующих механизмы, предусмотренные законодательством о противодействии легализации преступных доходов [6].

**Проблемы взаимодействия.**

Анализ правоприменительной практики и научной литературы позволяет выделить ряд типичных проблем: формальный характер взаимодействия, когда оно сводится к направлению поручений и отчётов об их исполнении; ведомственная разобщённость и различие критериев оценки работы следователей и оперативных сотрудников; недостаточное качество представляемых результатов ОРД, которые не всегда отвечают требованиям относимости и допустимости; несвоевременный обмен информацией; недостаточная правовая регламентация использования современных технических средств и цифровых данных.

Особого внимания заслуживает проблема использования результатов ОРД в доказывании. Сведения, полученные оперативным путём, становятся доказательствами лишь после их проверки и закрепления процессуальными средствами. Ошибки в оформлении материалов, нарушение порядка их рассекречивания и передачи могут повлечь признание доказательств недопустимыми, что в делах об организованных формированиях нередко ведёт к утрате возможности привлечь к ответственности организаторов и руководителей.

**Пути совершенствования.**

На основе проведённого анализа представляется целесообразным:

во-первых, закрепить в ведомственных нормативных актах порядок создания и работы постоянно действующих следственно-оперативных групп по делам о преступлениях, совершённых организованными группами и преступными сообществами, с определением персональной ответственности их участников;

во-вторых, внедрить практику совместного планирования, при котором план расследования и план оперативно-розыскных мероприятий составляются и корректируются согласованно;

в-третьих, разработать единые методические рекомендации по представлению и использованию результатов ОРД в уголовном процессе с учётом типичных ошибок, выявляемых судами и прокурорами;

в-четвёртых, развивать защищённые цифровые каналы информационного обмена между оперативными и следственными подразделениями, а также аналитические системы, позволяющие выявлять связи между лицами, событиями и финансовыми операциями;

в-пятых, организовывать совместное обучение следователей и оперативных сотрудников, включая разбор конкретных уголовных дел и тренинги по тактике проведения одновременных мероприятий;

в-шестых, совершенствовать механизмы государственной защиты участников уголовного процесса, поскольку именно воздействие на свидетелей и потерпевших является одним из основных способов противодействия расследованию со стороны организованных формирований.

**Заключение**

Взаимодействие оперативных подразделений и органов предварительного следствия является необходимым условием эффективного противодействия организованной преступности. Его особенности обусловлены высокой степенью организованности, конспирации и противодействия со стороны преступных формирований, что требует сочетания оперативно-розыскных и процессуальных средств на всех этапах — от выявления до направления уголовного дела в суд.

Законодательство Республики Узбекистан создаёт необходимую правовую основу для такого взаимодействия, однако его результативность во многом определяется организационными факторами: постоянным характером следственно-оперативных групп, совместным планированием, качеством документирования и надлежащим введением результатов ОРД в уголовный процесс. Реализация предложенных мер, по мнению автора, позволит повысить эффективность выявления и расследования преступлений, совершаемых организованными группами и преступными сообществами, обеспечить неотвратимость ответственности их организаторов и подорвать экономическую основу организованной преступности.

**Список использованной литературы**

1. Конституция Республики Узбекистан (в редакции, принятой на референдуме 30 апреля 2023 г.). Ташкент: Узбекистан, 2023.

2. Уголовный кодекс Республики Узбекистан (утверждён Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2012-XII) // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (lex.uz).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утверждён Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII) // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (lex.uz).

4. Закон Республики Узбекистан «Об оперативно-розыскной деятельности» от 26 декабря 2012 г. № ЗРУ-344 // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2012. № 52.

5. Закон Республики Узбекистан «Об органах внутренних дел» от 16 сентября 2016 г. № ЗРУ-407 // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2016. № 37.

6. Закон Республики Узбекистан «О противодействии легализации доходов, полученных от преступной деятельности, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения» от 26 августа 2004 г. № 660-II // Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан (lex.uz).

7. Указ Президента Республики Узбекистан «О мерах по коренному повышению эффективности деятельности органов внутренних дел, усилению их ответственности за обеспечение общественного порядка, надёжной защиты прав, свобод и законных интересов граждан» от 10 апреля 2017 г. № УП-5005 // Собрание законодательства Республики Узбекистан. 2017. № 15.

8. Конвенция Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности (принята резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 2000 г.).

9. Федеральный закон Российской Федерации «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

10. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. М.: Юристъ, 1997.

11. Горяинов К.К., Овчинский В.С., Синилов Г.К. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник. – М.: ИНФРА-М, 2006.

12. Криминология: учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2005.

13. Гуров А.И. Профессиональная преступность: прошлое и современность. М.: Юридическая литература, 1990.

14. Каримов В. Комментарий к Закону Республики Узбекистан «Об оперативно-розыскной деятельности». Ташкент: Правоохранительная академия Республики Узбекистан (электронная библиотека).

15. Иномжонов Ш.Х. Жиноят процессида далиллар тақдим қилиш ва фойдаланиш муаммолари: монография. Т.: Адолат, 2003. – 178 б.

16. Иномжонов Ш.Х. Тезкор-қидирув натижалари (улар қандай ҳолатда далилга айланади?) // Ҳаёт ва қонун. 2003. № 1 (88). Б. 33–35.

17. Утениязов К. Терговчи ва суриштирувчининг ҳуқуқий ўзаро ҳамкорлиги // Ҳаёт ва қонун. 2006. № 3. Б. 38–43.

18. Хидоятов Б.Б. Дознание в Республике Узбекистан: учебное пособие. Т.: ТГЮИ, 2005. 105 с.

19. Зуев С.В. Теоретические и прикладные проблемы совершенствования уголовного преследования по делам о преступлениях, совершаемых организованными группами и преступными сообществами (преступными организациями). М., 2010.

20. Lampe K. von. Organized Crime: Analyzing Illegal Activities, Criminal Structures, and Extra-legal Governance. Thousand Oaks: SAGE, 2016.

21. Paoli L. Mafia Brotherhoods: Organized Crime, Italian Style. Oxford: Oxford University Press, 2003.

22. Fijnaut C., Paoli L. (eds.). Organised Crime in Europe: Concepts, Patterns and Control Policies in the European Union and Beyond. Dordrecht: Springer, 2004.